

СЕРДЦЕ

Чёрною нитью вселенской боли
Вплетаюсь в судьбу твою,
Сердце моё — бескрайнее поле,
Преданное огню.

Доблесть и стыд — роковая ноша,
Ноши прекрасней нет,
Над пепелищем метёт пороша,
Застится белый свет...

Я у тебя ничего не просила,
Лишь умоляла: «Будь!..»
Ты моё сердце и ты моя сила,
Воздух в юную грудь!

Но, не приемля слепую жалость,
Горя сотрёшь черты.
...Как умирало ты и рождалось,
Как полыхало ты!..

Ты близок так, что холодеют руки,
И сердце жмёт в предчувствии беды,
И стынут краски, и немеют звуки —
Смывает дождь вчерашние следы.

Но если ты неистребимо рядом,
Мне все невзгоды мира нипочём!
Я пью тебя, наполненного ядом,
Я льну к тебе беспомощным плечом!

О, как же больно тянут нас магниты
В глухую глубь нечаянной вины...
Мы друг о друга вдребезги разбиты,
Но этим — только этим! — спасены!

Лёгкой дымкой майский вечер
Взвился до небес,
И накинул тьму на плечи
Одичалый лес...

Отдалился шумный город,
Я брожу как тень,
Вечер, ветер, город, холод,
Белая сирень.

Вся-то мне осталась малость,
Весь-то горький стыд —
Мой бесценный, я смеялась
По тебе навзрыд!

Я привыкла уже к расставаньям,
К неизвестности и суете...
Робкий жар моего дыханья
Растворяется в темноте.

Я прощаюсь с тобой, мой милый,
Буду жить ожиданьем встреч!
Так ли век коротать постылый,
Так ли сердце своё сберечь?!

Снова руки кладёшь на плечи,
Вот дорога от дома прочь...
Обними меня: крепче, крепче,
Не пускай меня в эту ночь!

В который раз мне ничего не надо —
Постылый день приблизился к концу,
Сиреневыми всполохами сада
И раскалённым ветром — по лицу.

Опять бросаюсь в вещей омут слога
И предаюсь безумному огню,
Опять и вновь всевидящего Бога
О невозможной милости молю...

Устало солнце клонится всё ниже,
Ты с каждым днём болишь во мне сильнее!..
В пустые разговоры о Париже
Вплетается ковыльный дух степей!

Конец июня... Господи, ужели?
Летит дорога вдаль и напрямик,
Густая сочность летней акварели,
Стрижей игривых над полями крик.

Усталый аромат степного чая,
Горит полынь, летит по ветру прах!..
Я с каждым днём всё больше замечаю
Твои мотивы у себя в стихах!

Не стоит жить в пережитом
И сетовать без толку,
Когда захлопнут первый том
И выставлен на полку.

Весь этот план — самообман,
Ты под шальную пляску
За гонорар кладёшь в карман
Очередную маску.

Мой каждый бой — смертельный бой,
Приму любую сечу!
Я расстанусь сама с собой —
Иду себе навстречу.

ЧАС РАДОСТИ

Час радости — час робости —
Неодолимой смелости,
Перелетаешь пропасти
И — остаёшься в целости!..

Поющей нежность зыбкую,
Любившей полночь грешную,
Я — в сторону с улыбкою,
Не на тебя глядевшая!

Что бури мне, что рифы мне
В сияющей беспечности?..
Властительными рифмами
Я говорю о вечности!

Ах, бессонница моя, ай, забавница!
Покрываются в ночи ветви инеем,
Как сгустится синева и разбавится
То серебряной тоской, то унынием...

Вот покличу я тебя, даль звенящая, —
Откликаются одни чёрны вороны!..
Ярославную стою, настоящую,
С непокрытой головой, непокорная!

Что ж под звёздами стоять в чистом полюшке?..
Ничего уже не ждать, не надеяться!
Пусть снегами занесёт горе-горюшко,
Над лесами опустелыми развеется!..

Напряжение рук твоих — несколько тысяч вольт,
Между нами пропасть в сотню безумных лет!
Где-то в самом сердце сладкая щемит боль —
Или счастье, сбившееся на нет?

Через вечность по знойным травам придёшь босой,
Вспомним всё, что сбывалось, да не сбылось...
От волос твоих пахнет сладкой степной росой,
Я целую тебя, целую тебя — насквозь!..

«Господи, запуталась и влипла,
Господи, спаси меня, спаси!..»
Так веками, стало быть, привыкла
Дурочка молиться на Руси.

Исполняясь мраком преисподней
И холодным ужасом ночным,
От господской воли до Господней
Подниматься, обращаясь в дым!

И бессилья горестную чашу
Пить до дна, едва касаясь губ...
Это тоже, тоже доля наша —
Вместо мужика вставать за плуг.

Господи, о чём же я просила,
Белый свет по матушке кляня,
Что безумства роковая сила
Изнутри оплавил меня?!